

## УДК 327.51:327.88

ПОДВИГАЙЛО Артем Александрович — к.и.н., доцент кафедры управления персоналом Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; podvigaylo@bsu.edu.ru)

ЦЕЛЮТИНА Татьяна Владимировна — к.соц.н., доцент кафедры управления персоналом Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; tselyutina@bsu.edu.ru)

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

**Аннотация.** В статье представлен критический анализ развития гражданских институтов и определены основные факторы, влияющие на функционирование гражданских институтов гражданского общества в России и за рубежом. Обосновывается трансформация экономико-технологических и военно-технических доктрин развития современного общества. Авторы отмечают сильное влияние концепции информационной войны на деятельность гражданских институтов гражданского общества в России и за рубежом. Исследователи приходят к выводу, что информационное противостояние, осуществляемое в рамках действующей военно-технической доктрины, становится доминирующим фактором развития гражданских институтов гражданского общества в России.

**Ключевые слова:** гражданское общество, институты гражданского общества, военная доктрина, информационная война

По итогам международной конференции «Государственное управление: Российская Федерация в современном мире», которая состоялась в мае 2014 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова и в которой приняли участие свыше 400 специалистов из 20 стран, включая ряд международных организаций и фондов, была подчеркнута необходимость качественной и количественной трансформации российской модели государственного управления и гражданских институтов. Формирующиеся в России гражданские институты призваны стать одним из действенных инструментов консолидации российского общества, а также модернизации существующей модели общественно-государственного управления.

Россия в контексте развития институтов гражданского общества достигла определенного переломного момента, когда фактор плотности переходит из количественного в качественный эквивалент. Подобный процесс, прежде всего, прослеживается в рамках развития современных НКО как одного из базовых элементов «несущей конструкции» гражданского общества. К 2014 г. число НКО в РФ заметно снизилось — более чем на 25%. Причиной снижения можно считать принятые 13 июля 2012 г. Государственной думой поправки (ФЗ N 121-ФЗ от 20.07.2012) к закону «О некоммерческих организациях», которые определили общую направленность государственной политики в сфере НКО и других государственных институтов. Введение в правовое поле НКО термина «иностранный агент» стало предельно ясным сигналом гражданским институтам о необходимости смещения центра тяжести своей деятельности из политического пространства в сторону решения социальных проблем [Татаркин 2010: 69].

В России насчитывается 14 организационно-правовых форм НКО: общественные и религиозные организации (объединения), автономные некоммерческие организации, социальные, благотворительные и иные фонды, ассоциации и союзы, в т.ч. профессиональные, государственные компании, государственные корпорации, государственные учреждения, муниципальные учреждения, частные учрежде-

ния, бюджетные учреждения. Укрепляются позиции институтов функционально-представительской направленности, среди которых главенствующую позицию занимают консультационные и экспертные, институт лоббизма [Целютина, Омельченко 2014: 395–396]. Несмотря на такое видимое разнообразие форм российских НКО, сфера их деятельности остается крайне узкой: основная их масса сконцентрировалась на функции общественного контроля и экспертизы.

В докладе о развитии гражданских институтов гражданского общества в России, который был опубликован Фондом развития гражданского общества, предельно четко отражена важная качественная характеристика деятельности современных отечественных НКО. В частности, отмечается, что доля социально ориентированных НКО от общего числа НКО в развитых странах составляет 60–70%, в то время как в России – всего 13,5%. Таким образом, была отмечена серьезная диспропорция в развитии и практической деятельности НКО в РФ. Смещение центра тяжести в деятельности НКО, инициированное правительством, должно дифференцировать сферу деятельности НКО и приблизить их к решению насущных социальных проблем нашего общества [Якобсон 2014: 479].

На наш взгляд, развитие отечественных институтов гражданского общества происходит в непростых объективных и субъективных условиях глобальных процессов, связанных с мировыми финансово-экономическими и политическими проблемами. Данные процессы оказывают свое влияние на деятельность общественных институтов в России и за ее пределами как в позитивном, так и в негативном смысле. Поэтому нам представляется важным выделить определяющие факторы развития отечественных гражданских институтов гражданского общества – экономико-технологический и военно-технологический.

*Экономико-технологический аспект* связан с тем, что в РФ отчетливо проявляются результаты качественного изменения мировой экономической системы, благодаря которой в развитых западных странах сформировалось так называемое постиндустриальное общество, отличительными чертами которого является комплекс составляющих, таких как честная информация, передовая наука и сверхсложная экономика.

В середине XX в. ведущую роль стали играть новые технологии, наука, информационное обеспечение. В дополнение к существующим и функционирующим ранее двум группам производства (А – производство средств производства и Б – производство предметов потребления) прибавилась третья группа – В: производство научно-технологической информации и средств информационного обеспечения [Лисичкин, Шелепин 2003: 8–10].

В существующем высокотехнологичном социуме, базирующемся на цифровых технологиях, релятивное состояние экономики классического капитализма трансформировалось в паттерн регуляционной экономики. Его ведущей базисной характеристикой становится доминирование государственного аппарата, размещающего заказы, ведущего политику экономического протекционизма и активного экономического регулирования. В своей деятельности государство опирается на корпорации, учитывая при этом прежде всего их интересы.

Интенсивному развитию постиндустриальной экономики способствовала и «революция менеджеров». Эффективный менеджмент во главе с инновационными менеджерами обеспечивает оперативное и качественное решение реальных производственных проблем. Управленцы получили возможность идентифицировать и обеспечивать оптимальное решение оперативных и стратегических планов; варьировать управленческие цели, инструментарий и комплексные мероприятия по их решению; систематизировать задачи для конкретных видов управленческих и производственных операций; координировать взаимодействие подразделений и звеньев управления; оптимизировать иерархическую структуру и норму управляемости; оптимизировать условия и методы процесса разработки и принятия управленческих решений; вести поиск эффективных стилей руководства и стимулирования деятельности и многое другое. В итоге улучшилась организация производства и эффективность управления. Таким образом, появление постиндустриального общества и внедрение информационных технологий означало

мощный прорыв в военно-техническом развитии общества [Лисичкин, Шелепин 2003: 8-10].

*Военно-технологический* фактор связан с интенсивным развитием доктрины информационной войны, четко обозначившимся в конце XX – начале XXI в. В рамках данной доктрины гражданские институты гражданского общества приобрели особый статус как инструмент информационного и социального воздействия на общество.

Появление передовых видов вооружения ознаменовало начало эпохи экстенсивного развития военно-технической доктрины современного общества. Характерной особенностью данной эпохи была гонка вооружений в и количественном, и качественном отношении. Пик экстенсивного развития военно-технологической доктрины был достигнут с появлением ядерного оружия, которое предопределило качественную трансформацию военных конфликтов в сторону их усложнения. Вместе с тем качественное превосходство ядерного оружия было активно использовано в рамках гонки вооружений, когда все противоборствующие стороны активно наращивали свой ядерный потенциал во всех доступных формах.

Изменения в средствах ведения вооруженной борьбы, характере ее субъектов, целей военных действий приводят к изменению критериев классификации войн и вооруженных конфликтов. Прежде всего, проходит разделение двух понятий – война и военный (вооруженный) конфликт. Ведь не всякий международный или внутренний вооруженный конфликт дорастает до масштабов войны. Война классифицируется как дело масштабное. Это социально-политическое общественное явление, представляющее собой не только столкновение вооруженных сил, но и полную мобилизацию общественных сил и резервов на борьбу до «победного конца». Военные конфликты менее масштабны, и цели, преследуемые сторонами конфликта, достаточно ограничены, в т.ч. по времени и применяемым средствам.

Классификация войн и военных конфликтов на современном этапе претерпела значительные видоизменения. В XIX – первой половине XX столетия, исходя из числа участников, выделяли *двусторонние* и *многосторонние (коалиционные)* войны, по пространственно-географическому признаку войны подразделялись на *локальные, региональные* и *глобальные (мировые)*, в зависимости от ареала распространения конфликта выделялись *межгосударственные* и *внутригосударственные* войны. Сегодня базисные основы классификации и сами типологические критерии кардинально изменились. Прошедшие войны получили название *конвенциональных*, т.е. таких, посредством которых противоборствующие страны-оппоненты стремились к разрушению или только к нейтрализации военного потенциала противника, но во 2-й половине XX в. войны стали *тотальными*. Принципиальное отличие войн тотальных от конвенциональных заключается в том, что в тотальных войнах вооруженные действия ведутся как против армии, флота, авиации противника, так и против мирного населения его страны [Коваленко и др. 2002: 62-68].

Современные эксперты прибавляют к тотальным войнам, войны *тоталитарные*, нацеленные преимущественно – а зачастую и исключительно – против мирного населения. Разновидность тоталитарных войн – *диверсионно-террористические* войны, которые следует отличать от *партизанских* войн, известных с глубокой древности. В партизанской войне регулярным вооруженным силам и официальным государственным структурам противостоят иррегулярные вооруженные формирования, действующие скрытно, избегающие прямого столкновения с противником [Коваленко и др. 2002: 62-68].

Необходимо отметить, что вторая половина XX в. характеризуется именно военными конфликтами, а не тотальными войнами. Причиной этому является оформление в начале 50-х гг. двухблочной системы мировых взаимоотношений, базирующейся во многом на ядерном паритете между СССР и США. Тотальные войны, базирующиеся на ядерной доктрине, привели бы к тому, что ракетами с ядерными боеголовками пришлось бы «докрамсывать» руины мирных городов. Хотя и в США, и в СССР даже принимались попытки создания и применения доктрины ведения ядерной войны [Тоффлер, Тоффлер 2005: 15].

Однако, несмотря на отсутствие тотальных войн, при более детальном рассмотрении истории войн и военных конфликтов после 1945 года можно прийти к неоднозначным выводам о роли ООН в деле предотвращения, урегулирования и завершения конфликтов в Европе и мире. А между тем после 1945 года и до начала нового столетия в мире произошло от 150 до 160 международных и внутренних военных конфликтов. При этом были убиты примерно 7.200.000 солдат, а если прибавить к этому жертвы среди мирного населения, то число потерь составит от 33 до 44 миллионов человек. Назвать годы с 1945 и до сегодняшнего дня «послевоенной» эпохой – значит объединить трагедию с иронией [Тоффлер, Тоффлер 2005: 39-40].

Распад Советского Союза и крах двухблочной мировой системы сняли с повестки дня термины «холодная война» и «идеологическое противостояние», которые являлись внешним антуражем извечного геополитического противостояния России и Запада [Богданов 2015: 5-6]. Само противостояние не только не ушло, но вступило в новую фазу своего развития – неоглобальную, которая ознаменовала начало развития новой военно-технической доктрины – интенсивной.

Развитие интенсивной военно-технической доктрины обусловлено следующими объективными факторами:

- интенсификацией процессов формирования единого глобального рынка;
- формированием наднациональных управленческих структур, преследующих свои цели, и столкновением их интересов с интересами национальных элит;
- обострением противостояния за ресурсы;
- понижением индекса ядерной угрозы в связи с проблемностью применения ядерного оружия.

Противоборство на международной арене все больше базируется на новейшей военной концепции – «информационной войне», которая была призвана стать эффективной заменой обычным военным конфликтам, в которых задействованы армии. Если раньше, в Первую и Вторую мировую, информационная война являлась во многом сопутствующим фактором ведущихся боевых действий, в которых были задействованы миллионы солдат и десятки тысяч единиц боевой техники, то теперь информационная война стала основой нового вида боевых действий, которые базируются на политических противоречиях.

Новая война, или война XXI столетия, мыслится современными стратегами не столько как противостояние армий и флота, сколько как мощнейший инструмент манипулирования общественным мнением. Для концепции информационной войны абсолютно неважно наличие у противника ядерного оружия, т.к. оно в большей степени является «политическим аргументом». Применение подобного оружия сопряжено с катастрофическими последствиями как для тех, против кого его применили, так и для тех, кто применил, ведь радиация не разбирает – кто прав, а кто виноват. Экономические последствия применения ядерного оружия также говорят не в пользу последнего, т.к. применять ядерные бомбы невыгодно: территория, подвергшаяся атомной бомбардировке, непригодна для использования. А это в условиях нарастающей борьбы за ресурсы просто недопустимо.

Таким образом, ядерное оружие в современных условиях не решает основные проблемы современных политических игроков – обеспечение необходимыми ресурсами и закрепление под своим влиянием соответствующих рынков, – а наоборот, усложняет эту задачу.

Если посмотреть на динамику развития военной доктрины во второй половине XX столетия с позиции экономической, то получается, что передовые державы искали эффективное средство уничтожения противника с наименьшими потерями в личном составе собственной армии и с наибольшим разрушительным эффектом при сохранении территории противника доступной для экономической деятельности.

Такой «панацеей» и явилась информационная война. Новое информационное оружие по своему эффекту превзошло все ожидания его разработчиков. При относительно малых затратах оно давало и дает потрясающий экономический эффект. Техническую основу нового оружия составили СМИ и Интернет, технологиче-

скую — специалисты в области информационных, политических и социальных технологий.

Ключевая роль в информационной войне отведена политическим конфликтам. Современный политический конфликт — это конфликт глобальный. Это не просто противостояние ветвей власти, социальных групп или политических сил, проявляющееся в виде митингов и демонстраций, бесконечных политических дебатов, борьбы на выборах. Это несколько иное явление, синтезирующее в себе и политическое противостояние внутривластных сил, которые представлены партиями и политиками, и геополитическое противостояние агентов, заинтересованных в определенном исходе конфликта третьих стран. Подобный «интернациональный» характер политического конфликта сделал его важнейшим элементом информационной войны. Таким образом, политика в новейшей военной концепции — это не только источник противостояния, но и инструмент ведения боевых действий.

Стратегия информационной войны предполагает использование политических противоречий в какой-либо стране в интересах третьих заинтересованных держав. Любые события в рамках политического противостояния могут быть соответствующим образом «обработаны» через СМИ и Интернет и использованы для обострения конфликта и трансформации его в затяжной политический кризис, который приведет в лучшем случае к смене правительства и президента (Грузия, 2003 г.; Украина, 2004 и 2013 г.) или в худшем — к контролируемой гражданской войне (Ливия 2011, Сирия с 2011 и по сегодняшний день).

Базисным элементом стратегии современной информационной войны является абсолютная вариативность ее идеологической составляющей. Это может быть тезис о защите «прав человека» и «свободы личности», существующие в различных транскрипциях и признающиеся незыблемой основой построения гражданского общества, или же наоборот, идеи о защите «веры наших предков», территории, «где жили наши деды и прадеды» и т.д. [Шарп 2012: 8-13].

Под эгидой защиты прав и свобод отдельных граждан, их групп, веры и традиций отдельных народностей, отдельных наций на информационных фронтах ведутся активные боевые действия и провоцируются вполне реальные локальные войны и боестолкновения. Спецификой современных информационных войн является идея неструктурного управления людскими массами, которая предполагает активные действия со стороны «свободной личности» по защите своих прав и свобод или же защите всех угнетаемых, или защите своей веры и земли. Вариативность идеологии предполагает широкий спектр воздействия на отдельную личность: та или иная «сакральная» идея тиражируется через СМИ для формирования необходимой модели поведения или бездействия людских масс. Собственно говоря, на данном этапе информатизации любая идея, распространяемая через СМИ, найдет своих последователей, готовых к действию [Соколов 2015]. Таким образом, самим «массам» отведена роль исполнителей — «солдат». При этом благодаря незримой работе «командно-управленческих структур» сами «солдаты» уверены, что творят историю по своей собственной воле.

Важнейшим инструментом формирования и проведения информационных войн, как ни странно это звучит, является поддержка и развитие в нужном русле, или же наоборот, сдерживание развития гражданских институтов гражданского общества. Являясь важнейшим социальным инструментом в рамках существующей концепции информационной войны, гражданские институты могут являться проводником интересов противоборствующих сторон.

Общественные (гражданские) институты, озвучивая те или иные идеи в средствах массовой информации, формируют общественное мнение, осуществляя тем самым необходимое управление. От эффективности деятельности существующих гражданских институтов зависит экономическое развитие того или иного общества или страны в целом. Поэтому степень развития гражданских институтов в современном обществе очень важна, но вместе с тем не менее важным представляется и направленность, результативность их деятельности. Общество судит об эффективности деятельности гражданских институтов, базируясь на данных СМИ, поэтому пред-

ставление о реальной работе тех или иных институтов формируется с помощью Интернета, телевидения, радио или газет.

Таким образом, в рамках концепции ведения информационной войны победа мыслится как смена той или иной информационной парадигмы в СМИ в угоду победителю. Благодаря подаче информации в современных массмедиа можно манипулировать настроениями людских масс, и из динамично развивающейся страны сделать жалкие руины, и все это руками ее же граждан (Ливия, Сирия).

Военные стратеги XIX столетия считали, что тот «кто владеет морем – владеет всем» [Мэхен 2002: 25], в XX столетии с развитием науки и техники появилась стратегия «господства в воздухе», которое давало абсолютную власть [Дуэ 2003: 140-141]. Формулу господства XXI в. можно изложить следующим образом: кто владеет СМИ, тот правит миром.

Таким образом, развитие гражданских институтов гражданского общества в России обусловлено в своем развитии двумя факторами: экономико-технологическим и военно-технологическим. Интенсивное развитие экономики обусловило развитие военной доктрины и ее отход от концепции тотальной войны к концепции информационной войны. Эволюция развития военной доктрины в XX – начале XXI в. закончилась формированием идеи информационной войны, в которой одним из основных инструментов воздействия на социум оказались институты гражданского общества. На современном этапе гражданские институты гражданского общества в России развиваются в условиях новой военной доктрины – доктрины информационной войны, что оказывает сильное влияние на процессы, происходящие в обществе и государстве.

#### Список литературы

Богданов А.Н. 2015. На пороге биполярного мира? О перспективах системной конфронтации в XXI в. – *Власть*. № 2. С. 5-11.

Дуэ Дж. 2003. *Господство в воздухе*. М.; СПб: АСТ, Terra Fantastica. 603 с.

Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжков О.А. 2002. *Политическая конфликтология*. М.: Ижица. 400 с.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. 2003. *Третья мировая (информационно-психологическая) война*. М.: Эксмо. 304 с.

Мэхен А. 2002. *Влияние морской силы на историю*. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica. 634 с.

Соколов А.В. 2015. Электронные коммуникации в социальной активности граждан. – *Власть*. № 3. С. 67-70.

Татаркин А.И. 2010. Инновационное развитие России: от политических призывов к антикризисным действиям. – *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер. Экономика и менеджмент. № 20(196). С. 68-74.

Тоффлер Э. Тоффлер Х. 2005. *Война и антивоина*. М.: АСТ, Гранзиткнига. 412 с.

Целютина Т.В., Омельченко М.С. 2014. Государство как активный заказчик управленческого консультирования в реализации проектной деятельности. – *Экономика и социум*. № 4 (13). С. 390-396.

Шарп Д. 2012. *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения*. М.: Новое издательство. 84 с.

Якобсон Л. И. 2014. Выступают ли российские НКО в роли «школы демократии»? – *XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества*. В 4 кн. (отв. ред. Е.Г. Ясин). М.: ИД НИУ ВШЭ. Кн. 2. С. 471-480.

PODVIGAILO Artem Aleksandrovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Personnel Management, Institute of Management, Belgorod State University (85, Victory St, Belgorod, Russia, 308015; podvigaylo@bsu.edu.ru)  
TSELYUTINA Tat'yana Vladimirovna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor of the Chair of Personnel Management, Institute of Management, Belgorod State University (85, Victory St, Belgorod, Russia, 308015; tselyutina@bsu.edu.ru)

## THE TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC AND MILITARY-TECHNICAL DOCTRINES OF MODERN SOCIETY AS THE DOMINANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

**Abstract.** The article presents the analysis of the development of the civil institutions of the civil society in Russia. The authors consider economic-technological and military-technical factors of the development of civil institutions in the Russian Federation. The article describes the processes of evolution of the development of military doctrine in the 20<sup>th</sup> – the beginning of 21<sup>st</sup> century. The authors examined the role of civil society institutions in the new military doctrine of information warfare. They analyzed factors affecting the institutions of the civil society in the information war. The authors consider that the management of civil institutions of the civil society is the main purpose of information war. Today world politics is dominated by the following fundamental principle: who owns the media – controls the world. The authors conclude that civil institutions of the civil society in Russia are developing in the framework of a new military doctrine – the doctrine of informational war, which has a strong influence on the processes occurring in society and the state.

**Keywords:** civil society, civil society institutions, military doctrine, informational war

---

СМАГИНА Любовь Александровна – к.полит.н., докторант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 1; smaginal@mail.ru)

## ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы формирования федеративного устройства государства, участия в этом не только федеральных органов власти, но и субъектов. Особо автор выделяет такую сложную сферу, как этнополитические отношения. Рассматривается система факторов этнополитического процесса. Отдельно автор останавливается на возникающих вызовах и угрозах этнополитической безопасности страны.

**Ключевые слова:** регионализация, федерализм, федерализация, этнополитические процессы, национальная политика, маргинализация

Россия исторически складывалась как централизованное государство с исключительно большими полномочиями центра. Менялись общественные системы, но во все времена сильная центральная власть – неизменный атрибут страны. Это всегда порождало множество противоречий и приводило как к неравномерности развития регионов, так и к развитию иждивенческих настроений во многих из них. Одной из форм разрешения накопившихся противоречий явились попытки формирования федеративных отношений.

Однако развитие истории показало несостоятельность централизации. СССР рухнул, прежде всего, под тяжестью собственной неэффективности. Всплеск децентрализации, возникший на волне демократического пробуждения России в начале 90-х гг., привел к тому, что народы России выбрали федеративные отношения, становление которых продолжалось до конца 90-х гг. Этот путь был далеко не простым, было сделано немало ошибок. Распределение полномочий между цен-